

Лейкин Николай Александрович

**Записки Полкана. Повесть из
собачьей жизни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Записки Полкана. Повесть из собачьей жизни / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 218 с.

ISBN 978-5-519-92958-5

ISBN 978-5-519-92958-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЗАПИСКИ ПОЛКАНА.

I.

НАПРАСНО люди думаютъ, что мы, собаки, не понимаемъ человѣчьяго разговора. Все понимаемъ, но только не можемъ говорить по человѣчьи. Какъ не понимать людской рѣчи, если больше живешь съ людьми, чѣмъ съ собаками! Мы даже скорѣе научаемся понимать человѣческую рѣчь, чѣмъ дѣти, потому что скорѣе развиваемся. Я родился и росъ вмѣстѣ съ хозяйскимъ сыномъ Володей. Мы сверстники. Когда мнѣ исполнилось девять мѣсяцевъ, я уже былъ настоящій взрослый кобелекъ и мной начали интересоваться дамы собачьей породы, дѣлая мнѣ глазки и ушки, а Володя, хозяйскій сынъ, сосалъ еще грудь матери и былъ настолько глупъ, что когда разъ мать и отецъ его уѣхали въ театръ, а къ нянѣкъ пришелъ солдатъ и та, желая его угостить, побѣжала за пивомъ, а ребенка отдала подержать солдату, онъ теребилъ ему рученками грудь мундира, плакалъ и чмокалъ губами, прося сосать. Ни одинъ трехнедѣльный щенокъ этого не сдѣлаетъ.

Володя теперь только еще гимназистъ второго класса, учить латынь, а я уже имѣю огромное потомство, у меня есть и внуки, и правнуки, и праправнуки.

Но я отвлекся съ доказательствами.

И такъ, мы, псы, отлично понимаемъ человѣчью рѣчь. Прислушиваясь къ разговорамъ, давно ужъ я слышу толки о городскомъ собачьемъ налогѣ, но пропускалъ эти толки мимо ушей. «Утвердятъ, думаю, собачій налогъ, заплатятъ за насъ хозяева деньги, надѣнутъ на ошейникъ бляшку съ номеромъ и будемъ мы жить да поживать по-прежнему». Но вчера, лежа подъ столомъ, во время вечерняго чая, услышалъ слѣдующій разговоръ моихъ хозяевъ:

— О налогѣ-то вѣдь не на шутку заговорили, — сказалъ мой хозяинъ, отецъ гимназиста Володи. — Собачій налогъ можетъ осуществиться даже въ будущемъ году. Сегодня я даже подписалъ статистическій листокъ о собакахъ, который мнѣ принесъ изъ участка дворникъ. Происходить ужъ собачья перепись.

— Да, да... Я видѣла у тебя на письменномъ столѣ листокъ, — отвѣчала хозяйка. — Сколько-же ты показалъ собакъ? Неужели и Діанкиныхъ щенковъ записалъ?

— Съ какой стати! Діанкиныхъ щенковъ мы черезъ двѣ недѣли отдадимъ. Я показалъ въ листкѣ только двѣ собаки: Діанку и Трезора.

— А Полкана? — быстро спросилъ гимназистъ.

— Ну, что Полканъ! Полканъ ублюдокъ и старъ. За него не стоитъ платить налога, — далъ отвѣтъ отецъ гимназиста.

— Но вѣдь его убьютъ, папаша.

— А пускай убиваютъ. Ему это даже лучше. У него ужъ начинается паршивѣть спина.

— Не правда. Я ему смазалъ спину сѣрой мазью и теперь у него проплѣшина начала заростать новой шерстью.

— Да и такъ онъ мнѣ надоѣлъ. Вѣчная грызня съ Трезоромъ.

— Но вѣдь онъ заслуженный пестъ, папаша?

— А ну его... Ты ничего не понимаешь. Онъ мнѣ можетъ испортить породу. У меня теперь два кровныхъ англійскихъ сетера, а онъ ублюдокъ.

— Неправда... Мой репетиторъ, студентъ Иванъ Иванычъ, говоритъ, что Полканъ тоже какая-то заграничная порода.

— Самъ-дворняръ—вотъ какая это порода. Онъ у насъ-же и родился. Ты не помнишь, потому что онъ въ одинъ годъ и даже въ одинъ мѣсяцъ съ тобой родился. Была у насъ лягашъ Милька. Ее по нечаянности покойникъ Михаилъ Матвѣвичъ Стремянниковъ, царство ему небесное, на охотѣ вмѣсто зайца подстрѣлилъ. Глухая она была, и я ее даже не жалѣлъ. Лиза, ты помнишь? — спросилъ хозяинъ жену.

— Еще-бы не помнить! Но Михаилъ Матвѣичъ былъ пьяница и только спаивалъ тебя на охотѣ. Мильку жалко. А его нисколько не жалко, что онъ умеръ,—отрѣзала жена хозяина.

— Но это, милая, не идетъ къ дѣлу. Я только вспоминаю, откуда у насъ взялся Полканъ. И вотъ нашъ Полканъ отъ этой Мильки и какого-то дворняги. Раньше, когда мои породистыя охотничьи со-

баки жили у егеря, я терпѣлъ Полкана, а теперь — на кой онъ намъ путь? Да еще вноси за него дватри рубля въ годъ!

— Нѣтъ, папаша, я не дамъ убивать Полкана, возразилъ гимназистъ. — Сами-же вы говорите, что онъ мнѣ ровесникъ. Пусть живетъ. Онъ такой добрый! Я самъ за него внесу три рубля. У меня есть деньги.

— Ты и не узнаешь, какъ онъ пропадетъ. Я съ него сниму ошейникъ, и вотъ фурманщики его, какъ бродячую собаку...

— Зачѣмъ-же его допускать до фурманщиковъ? вступилась супруга хозяина. — Тамъ его будутъ бить палками, истязать. А ужъ если ты хочешь съ нимъ покончить — пошли его къ ветеринару въ лечебницу и пусть онъ его отравитъ. Тамъ, я знаю, отравляютъ такъ, такимъ ядомъ, что собаки умираютъ моментально, безъ мученій. Марья Ивановна туда свою Жульку посылала. У той ракъ уха былъ, и излечить ее было невозможно. Ее и отравили за рубль.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я и отравлять его не дамъ! воскликнулъ гимназистъ.

— Такъ тебя и послушаютъ! былъ отвѣтъ.

Я слушалъ эти разговоры, и у меня вся шерсть встала дыбомъ, языкъ высохъ и весь я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ...

«Надо бѣжать изъ этого дома, мелькнуло у меня въ головѣ. Бѣжать, а то отравятъ». Я поднялся подъ столъ на ноги — ноги дрожали.

— Кромѣ того, отъ него ужасный запахъ бываетъ

послѣ дождя или когда онъ побываетъ на сырости, продолжалъ говорить про меня хозяинъ.

— Однако, сегодня былъ дождь, а отъ Полкана не пахнетъ, выгораживалъ меня гимназистъ.—Вѣдь вотъ онъ тутъ, подъ столомъ лежитъ, а ни капельки не пахнетъ. Вѣдь вы, мамочка, ничего не слышите?

— Ахъ, милый другъ, не до собакъ мнѣ. Меня тревожитъ двойка, которую ты получилъ изъ ариѳметики. Приглашенъ репетиторъ, который вбиваетъ тебѣ въ голову—и все-таки двойки.

— Полканъ, поди сюда... позвалъ меня гимназистъ, и когда я къ нему приблизился, онъ погладилъ меня.

Я лизнулъ ему руку въ знакъ благодарности. Онъ продолжалъ меня ласкать.

— Двойки и двойки... продолжала мать гимназиста. — Ужъ развѣ пригласить съ тобой заняться уроковъ на пять самого учителя ариѳметики?

— Мамочка, онъ нездоровъ! Совсѣмъ нездоровъ. У него жаръ, воскликнулъ гимназистъ. — У него носъ горячій.

— Если онъ нездоровъ, то какъ-же онъ могъ сегодня поставить тебѣ двойку?

— Кто? Вы про кого?

— Да про твоего учителя ариѳметики.

— А я про Полкана. Горячій носъ...

— Тѣфу ты пропасть! Я о дѣлѣ, а ты о паршивой собакѣ! плюнула мать.—Можетъ быть, этотъ Полканъ тебя и отбиваетъ отъ ученья. Михаилъ Ивановичъ, отрави поскорѣй Полкана!

— До налога пусть живетъ, откликнулся хозя-

инъ.—Но какъ собачій налогъ, то я снимаю съ него ошейникъ и пусть съ нимъ дѣлають, что хотятъ. Налога я за него платить не желаю.

Гимназистъ соваль мнѣ подъ столъ кусокъ сухаря, но я сухаря не бралъ. Не до ѣды мнѣ было.

— Сухаря даже не ѣсть—вотъ до чего боленъ, продолжалъ гимназистъ.—Трезоръ! Трезоръ! Возьми сухарь! сталъ звать онъ другую собаку, моего соперника, чтобы отдать ему сухарь.

По нашимъ собачьимъ правиламъ, я долженъ-бы былъ сейчасъ съѣсть этотъ сухарь, чтобы не дать его другому, но я пренебрегъ и правилами. Мнѣ было не до того. Я не зарычалъ даже и на подошедшаго къ сухарю Трезора. Я рѣшилъ бѣжать отъ моихъ хозяевъ, бѣжать какъ можно скорѣе.

II.

Послѣ чаю я пошелъ прощаться съ нашими собаками. Я порѣшилъ во что-бы то ни стало сбѣжать сегодня-же со двора, сбѣжать куда глаза глядятъ, только бы не быть въ домѣ, гдѣ меня собираются отравить или предоставить фурманщикамъ. Я разсуждалъ такъ, что хозяева мои могли это сдѣлать и не дожидаясь налога, если уже они задумали такое звѣрство по отношенію ко мнѣ. Я берегъ себя.

Я пришелъ въ кабинетъ. Тамъ, на коврѣ, вычесывалъ изъ себя блохъ задней ногой Трезоръ. Я подошелъ къ нему и былъ, очевидно, до того угнетенъ и разстроенъ, что онъ даже не зарычалъ на меня.

— Прощайте, Трезоръ Трезорычъ, — сказалъ я ему.—Я ухожу.

— Куда?—спросилъ сетеръ, переставая чесаться и смотря на меня свѣтлыми глазами.

— Сбѣгаю сегодня ночью изъ здѣшняго дома куда глаза глядятъ.

— Что за причина? Если мы иногда съ вами подеремся изъ-за кости, то это...

— Ахъ, что кость! Я не изъ-за этого. Хозяинъ не хочетъ платить за меня налога и даже собирается снять ошейникъ и предоставить фурманщикамъ или, что еще хуже, не дожидаясь, пока я погибну отъ фурманщиковъ, хочетъ отравить меня. Такъ ему совѣтуешь его супруга.

И я рассказалъ Трезору весь разговоръ, который подслушалъ подъ столомъ.

— Что за варваръ! А еще статскій совѣтникъ! Вотъ служи послѣ этого вѣрою и правдою!—произнесъ онъ, покачавъ головой.—Положимъ, фурманщики нынче, при уничтоженіи собакъ, говорятъ, къ звѣрствамъ не прибѣгаютъ. Общество покровительства животныхъ придумало имъ какую-то особенную, гигиеническую висѣлицу...

— Но, помилуйте, что за охота погибнуть и на гигиенической висѣлицѣ, если можно спастись. Я убѣгу за городъ, гдѣ нѣтъ фурманщиковъ и не бу-

детъ собачьяго налога. Я пріютюсь при какомъ-нибудь дворѣ, буду питаться подаянiемъ, но все-таки буду живъ. Я еще жить хочу, я не очень старъ.

— Конечно, конечно. Но каково коварство! Собаку, родившуюся въ домѣ, отравить! Объ насъ разговоръ былъ?—спросилъ Трезоръ.

— Былъ, за васъ и вашу супругу, Діану Рогдаевну, онъ рѣшилъ платить.

— Еще-бы! Вы знаете, моя жена чистѣйшей англійской крови. Она урожденная...

Трезоръ любилъ говорить объ аристократическомъ происхожденiи жены и понесъ-бы невозможную галиматью, но я перебилъ его, спросивъ:

— Можно видѣть вашу супругу, чтобы проститься съ ней?

— Конечно, конечно! Сходите къ ней. Она въ людской, въ корзинкѣ, около кровати горничной, со щенками лежитъ.

— Знаю. Что вы мнѣ рассказываете! Я здѣсь въ домѣ такой-же членъ, какъ и вы.

— Такъ-то оно такъ, однако-же васъ...

— Но вѣдь это-же черная неблагодарность. Кто ему третьяго года зимой шубу спасъ въ прихожей? Дверь была не заперта, вошелъ воришка, схватилъ шубу и, если-бы я не залаялъ...

— Знаю, знаю. Но я хотѣлъ сказать про жену. Вы слышали про извѣстный собачій заводъ въ Англіи лорда... Какъ его?

Но я не сталъ слушать и побѣжалъ въ людскую. Тамъ, въ корзинкѣ, лежала Діана, обложенная пятаю

щенками, и лизала ихъ. При входѣ моемъ, она зарычала.

— Не трону, не трону я вашихъ прелестныхъ малютокъ, Діана Рогдаевна,—проговорилъ я.—Я пришелъ проститься. Проститься съ вами навсегда. Сегодня ночью я сбѣгаю изъ здѣшняго дома.

— Какъ? Почему?—воскликнула она въ удивленіи. Я рассказалъ ей въ чемъ дѣло. На глазахъ ея были слезы.

— Какое безстыдство!—произнесла она съ негодованіемъ.—Но, знаете, я думаю, онъ пошутилъ.

— Какія шутки, помилуйте! И такъ, прощайте... Поцѣлуйте за меня вашихъ милыхъ дѣтишекъ.

— Но какъ-же вы такъ уходите? Надо-бы намъ сдѣлать вамъ отвальную. У насъ съ мужемъ есть спрятано про запасъ нѣсколько хорошихъ костей... Я скажу мужу...

— Нѣтъ, Діана Рогдаевна! Мнѣ и кусокъ въ горло не идетъ... Увольте... Прощайте...

Она протянула мнѣ лапу. Я лизнулъ ее въ глазъ. Глазъ былъ солонъ отъ слезъ.

— Послушайте, Полканъ Валетычъ... Вы бѣгите теперь въ мѣста охоты. Вотъ напримѣръ, хоть за пороховые заводы, куда мы съ нашимъ хозяиномъ ходимъ. Онъ туда отправляется только пьянствовать и потому рѣдко когда вернется домой съ дичью, но вѣдь тамъ теперь ужасъ сколько зайцевъ и вы можете всю зиму быть сыты ими. Молодые зайчата ловятся легко и безъ выстрѣла.

— Да, добрѣйшая Діана Рогдаевна, но не съ моими ногами. Вѣдь ужъ мнѣ четырнадцатый годъ. Я по-

селясь гдѣ-нибудь на крестьянскомъ дворѣ. Буду сытъ отбросами. На помойныхъ ямахъ иногда попадаются очень лакомые кусочки. Да вотъ недалеко сказать. Къ намъ на дворъ ходятъ тряпичники и собираютъ кости съ помойной ямы, но я все-таки и здѣсь успѣлъ найти на помойной ямѣ нѣсколько хорошихъ костей и запряталъ ихъ между старыми ящиками около каретнаго сарая. Съ собой мнѣ ихъ не нести, и я оставляю ихъ въ ваше распоряженіе. Пусть ими позабавятся ваши прелестныя малютки. Еще разъ прощайте!

Я поклонился. Діана выскочила изъ корзинки, встряхнулась и томно, съ дрожью въ голосѣ, произнесла:

— Полканъ! Не забывайте меня... Я когда-то васъ любила, и если-бы не нашъ хозяинъ...

— О, Діана! Я все понимаю, все... Онъ разлучникъ... Онъ причиной... Но не будемъ вспоминать объ этомъ! Душа моя и такъ истерзана. Я ухожу...

И я поплелся изъ людской.

«Убѣгу сейчасъ-же. Пусть только горничная выпуститъ насъ на дворъ, передъ тѣмъ какъ будетъ ложиться спать».

Я забѣжалъ въ дѣтскую. Гимназистъ Володя сидѣлъ, училъ латинскіе вокабулы и плакалъ. Я подошелъ къ нему и лизнулъ ему руку. Онъ погладилъ меня по головѣ, почесалъ за ухомъ и сказалъ:

— Бѣдный песъ! Несчастный Полканка! Но я тебѣ не дамъ погибнуть. Я продамъ книгу «Робинзонъ Крузо» съ картинками, продамъ Жюля Верна и внесу за тебя собачій налогъ.